

УДК 821.111(73)
ББК 84 (4Вел)-44
С85

Karen Lee Street
EDGAR ALLAN POE AND THE JEWEL OF PERU

Печатается с разрешения литературных агентств
А.М. Heath и Andrew Nurnberg.

Художественное оформление — *Василий Половец*

Стрит, Карен Ли.

С85 Эдгар Аллан По и Перуанское Сокровище : [фантастический роман] / Карен Ли Стрит; пер. с англ. Д.А. Старкова. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 416 с. — (Мастера магического реализма).

ISBN 978-5-17-117159-9

США, Филадельфия, 1844 г.

Вражда между американскими нативистами и недавними иммигрантами из Ирландии нарастает день ото дня. Опасения Эдгара Аллана По за безопасность его жены, Вирджинии, и тещи, Мадди, усугубляет странная посылка — коробка с мумифицированными и расчлененными трупиками птиц. Неужели заклятый враг вернулся, дабы свести с ним старые счеты? Не менее странным оказывается приезд в Филадельфию Хелен Лоддидж, юной наследницы немалого состояния, и ее просьба. Возвращаясь из перуанской экспедиции, возлюбленный мисс Лоддидж погиб в филадельфийском порту, и она хочет, чтобы По выяснил причину его гибели.

К ее рассказам о предостережениях, якобы полученных от птиц, и о визите духа любимого По относится крайне скептически, но вот мисс Лоддидж похищена, и теперь писателю с помощью друга, шевалье Огюста Дюпена, предстоит распутать клубок тайн, в котором тесно переплелись давняя вражда, гибель задушевного друга, орнитомантия и легендарное Перуанское Сокровище.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (4Вел)-44

ISBN 978-5-17-117159-9

Copyright © Karen Lee Street 2018
© Старков Д.А., перевод на
русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Моему отцу
и Мило.*

Где мой клад похоронен, не знает никто,
разве только небесные птицы.

Аристофан, «Птицы»*.

---

* Пер. С.К. Апта.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ФИЛАДЕЛЬФИЯ, ПЯТНИЦА, 12 ЯНВАРЯ 1844 г.

Ее оставили у парадной двери с приходом ночи. Работая за столом у кухонного очага, я услышал негромкий стук в оконное стекло — возможно, всего лишь порыв ветра, швырнувший в окно горсть снежной крупы. Звук был почти неразличим, однако что-то в его природе встревожило меня, и я выглянул за окно. Снаружи царила непроглядная тьма. Тогда я прошел к двери и приотворил ее. Внутри, точно разгневанный дух, ворвалась стужа, но... Нет, вокруг — никого. Ни звука. Ни следа незваных гостей на белом пушистом снегу. Только сверток на ступенях крыльца — круглой формы, складки бурой оберточной бумаги скреплены восковой печатью и перетянуты бечевкой... Спина покрылась гусиной кожей. В тревожном нетерпении внес я посылку внутрь, водрузил на кухонный стол и поднял над нею лампу.

На обертке значилось мое имя и «Филадельфия». Чернила, впитываясь в бумагу, слегка расплылись. Я перерезал бечевку, сломал восковую печать и обнаружил внутри шляпную коробку из белой жести. Тревоги разом исчезли, уступив место радости. Шляпа моя столь изрядно пообносилась, что при внимательном рассмотрении являла собой сущий стыд —

должно быть, жена и ее мать сговорились подарить мне новую. Как это на них похоже!

До моего дня рождения оставалась еще целая неделя, но устоять я не смог: в конце концов, обертка все равно снята. Пальцы мои алчно потянулись к защелке. Но, стоило снять крышку и заглянуть в коробку, изнутри на меня уставились три пары обсидианово-черных глаз — глаз демонов! Поспешно прикрыв лицо ладонями, я отскочил назад: там, в шляпной коробке, съжились, хищно разинув прожорливые клювы, три ворона. Сейчас воздух задрожит от хлопанья крыльев, и птицы бросятся на меня! Я схватил кочергу и приготовился обороняться, однако тишину кухни не нарушало ничто, кроме моего собственного неровного дыхания. Не без опаски я снова шагнул к столу и осветил коробку лампой. Да, сомнений не оставалось: птицы мертвы.

Но облегчение оказалось недолгим. Вынув одно из пернатых созданий из сей экстравагантной могилы, я обнаружил, что голова птицы — а также крылья и лапы — отделены от тела. Что может значить этакая жестокость? Содрогаясь от отвращения, едва сдерживая тошноту, я выложил останки расчлененных птиц на оберточную бумагу, пошарил в коробке в поисках какой-либо записки, но не нашел ничего. Странно, но ни смертью, ни разложением из коробки не пахло: по видимому, птицы были мумифицированы, точно любимые ручные зверушки какого-нибудь египетского фараона, если не самого Владыки Смерти. Разумеется, эти дикие фантазии немедля выветрились из головы, но ужас мой отнюдь не пошел на убыль: ведь я знал, с абсолютной уверенностью знал, кто прислал мне эту троицу черных как смоль птиц. То был мой враг, заклятый, смертельный враг — Джордж Ринвик Уильямс, снова явившийся мучить меня!

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЯТНИЦА, 19 ЯНВАРЯ 1844 г.

Мир превратился в собственный призрак. Все краски уступили место белизне, вокруг царил зловещий, жутковатый покой. Деревья так и сверкали в лучах восходящего солнца: за ночь, во время снега с дождем, их ветви покрылись льдом; река тянулась вдаль блестящей шелковой лентой, небрежно брошенной поверх пушистого плаща снегов. Казалось, воды реки тверды, как и окружавшие их земли, но я старательно держался берега, следуя памяти о ныне незримой, неразличимой тропке, которой ходил каждый день. В месяцы более теплые я, по давнему обыкновению, поднимался рано и купался в Скулкилле, а если для купания было слишком холодно, прогуливался вдоль берега, дабы красоты природы придали новых сил духу и телу. Вот и сегодня я следовал привычным путем, глубокий снег заглушал шаги, на поверхности льда буйно плясали отблески солнца, и в этом хрустальном мире, среди этой неземной красоты, не было ни одной живой души, кроме меня.

— Ки-и-рах!

Неумолимую тишину прорезал пронзительный крик — пожалуй, то был крик ястреба или какого-то иного воздушного хищника. Я запрокинул голову и оглядел небо, но не

увидел ничего. Вдруг кусочек небес спорхнул вниз, пронесся надо мною и приземлился на обледенелую ветку дуба.

— Ки-и-рах! — крикнула голосом ястреба пересмешница-сойка, задиристо приплясывая на ветке.

— Ки-и-рах! — точно в ответ на вызов, откликнулись с неба.

Растопырив когти, к огромному дубу, где устроилась сойка, пронесся через реку красноплечий канюк. Очевидно, совершенно не рассчитав нападения, он врзался в верхние ветви, в самую крону дуба, много выше обманщицы. Но нет, глаз канюка оказался куда острее моего: его появление спугнуло крупную птицу, которой я и не заметил, — столь превосходно она слилась с корой дерева. Покинув укрытие, виргинский филин мерно, неторопливо заработал крыльями и взмыл в утреннее небо. Канюк, яростно хлопая крыльями, рванулся в погоню и в следующий же миг настиг филина. Острые когти хищника впились в добычу, в воздухе закружились вырванные перья и пух. Филин развернулся и тоже нанес удар, вцепившись когтями в рыжеватое брюхо канюка. Не разжимая хватки, терзая друг дружку клювами, хищники полетели вниз и клубком рухнули в снег. Под ударами крыльев смерчем взметнулись вверх снежные хлопья, девственная белизна окрасилась алыми брызгами, воздух задрожал от режущих уши криков. Надеясь вспугнуть противников и тем принудить обоих к временному перемирию, я поспешно принялся лепить снежок, но прежде, чем мне выпала возможность вмешаться в дела природы, пернатые бойцы вскочили, вместе, точно некие древние демоны из глубин преисподней, взмыли в небо, и тут же разделились — один устремился на север, другой же полетел на юг.

— Ки-и-рах!

В последний раз передразнив канюка, голубая сойка тоже спорхнула с ветки, медленно, как ни в чем не бывало, пересекла Скулкилл и скрылась, я же остался дрожать на берегу. Снежок в руках леденит пальцы, кровавое зрелище наполнило душу тревогой.

Первой, кого я увидел, приближаясь к нашему кирпичному домику на Седьмой Северной, оказалась моя теща, деловито счищавшая лед с дорожки, ведущей к крыльцу. Она постоянно пребывала в движении, без усталости работала по дому и твердо отвергала все предложения помощи и уговоры отдохнуть, неизменно отвечая: «Трудолюбие угодно Господу» либо «Усердие — само себе награда». Безделье «Мадди», как называли ее мы с женой, вовсе не радовало, и со временем мы привыкли не возражать, но ценить тот факт, что, благодаря теще, наша жизнь становится куда удобнее. Невзирая на все старания, я все еще не мог зарабатывать редактурой и продажей собственных стихов да рассказов достаточно, чтоб содержать семью на тот манер, на который хотел бы — вернее, на тот, коего они заслуживали, и трудолюбивой, житейски практичной теще был бесконечно благодарен. Сколь часто она спасала нас от впадения в нужду, беря на дом шитье и стирку, собирая съедобные растения, дабы дополнить ими наш рацион, и упорно торгуясь на рынке!

— Прекрасно, не правда ли? — заметил я, указывая на толстый ледяной покров, искрившийся на ветвях деревьев, на крыше дома и на укрытой снегом земле.

— Этим веткам, скорее всего, не выдержать, — сказала Мадди, кивнув в сторону высокого вяза, — а когда снег начнет таять, мы потеряем и кое-какие из деревьев поменьше.

Взглянув на тонкие деревца, изящно изогнувшиеся под тяжестью льда, я понял, что мрачные предсказания Мадди, скорее всего, верны, и несколько пал духом, однако в этот момент на порог вышла моя жена Вирджиния, моя дорогая Сисси, и на сердце снова стало легко и радостно.

— О, Эдди, какое великолеpie! Совсем как в царстве фей!

Плечи жены украшала та самая пейслийская* шерстяная шаль, что я привез ей из Лондона, красота коей никак не мог-

---

* «Пейсли» — набивной или тканый рисунок, имитирующий узоры кашемировых шалей (здесь и далее — прим. переводчика).

ла соперничать с ее собственной. Павший на ее каштановые локоны солнечный свет заставил их заиграть глянцевыми медными отблесками, словно бы проявив тот разноцветный глянец, что сокрыт в оперении птиц.

— Именно то же думал и я во время прогулки. Просто волшеббно, не так ли?

Поспешно поднявшись на крыльцо, я заключил Сисси в объятия.

— Да ты же совсем замерз!

С этими словами она потянула меня в теплую кухню, где в печи бушевал огонь, а на плите грелись овсянка и кофе.

— Расскажи, что ты сегодня видел у реки, — сказала она, накрывая мне завтрак. — Мне так не хватает наших прогулок! Еще немного, и я с ума сойду, сидя здесь, взаперти!

— Река прекрасна — полностью замерзла, сверкает на солнце, а ветви деревьев по берегам все до единой скованы льдом. Однако, — поспешно добавил я, видя тоску в ее взгляде, — вся эта красота крайне коварна. Несмотря на башмаки, я оскальзывался и падал не менее полудюжины раз. Какой урон для моего достоинства!

— Думаю, ты преувеличиваешь, чтоб мне было не так обидно!

— Ничуть! И не грусти: весна не за горами. Уж лучше немного потерпеть, чем сломать ногу и провести взаперти, в четырех стенах, еще месяц, а то и больше.

— Я не настолько хрупка, как кажется вам с мамой. И вполне могла бы пройти по заснеженному речному берегу без всякого вреда для себя.

— Коварен скорее не снег, а лед: его куда труднее разглядеть под ногами, а чтоб не поскользнуться — хоть кошки надевай. А между тем ты вовсе не так крепка, как утверждаешь.

Дабы лишить истину своих слов острого жала, я поцеловал жену в щеку. Сложением Сисси и впрямь обладала хрупким, но искренне сердилась, когда я либо Мадди пытались, как она выражалась, «пылинки с нее сдувать».

— А еще сегодня у реки на моих глазах разыгралось необычайное представление, — добавил я. — Просто-таки... птичья война!

Рассказ о столкновении канюка с филином Сисси слушала, точно замороженная.

— Как все это странно и чудесно! Даже не знаю, кому бы желала победы, филину или канюку. Пожалуй, все-таки филину. Совы да филины — столь загадочные, таинственные ночные создания... и как это, должно быть, волнующе — увидеть одного из них при свете дня!

— Но ведь и красноплечий канюк великолепен, — возразил я. — Такой смелый, отчаянный малый, и как элегантен: пестрые перья, желтые когти и клюв!.. И как величаво парит в облаках, в токах теплого воздуха!

— Однако виргинский филин столь же прекрасен на вид. Золотистые глаза, полосатые, будто тигриная шкура, перья, и кажется необычайно мудрым! Думаю, это из-за тех перьев над глазами, что так похожи на брови.

— Этак ты вскоре заставишь его шеголять в жилетке, с моноклем в глазу, да дымить пенковой трубкой, точно мудрого гнома из детских сказок, — улыбнулся я. — Ну, а что скажешь о плутовке-пересмешнице, о голубой сойке? Как по-твоему, каковы могли быть ее побуждения? Ведь это же она посеяла меж ними вражду.

— Самосохранение, — поразмыслив, ответила Сисси. — Сойка ведь понимала, что легко может стать завтраком и для канюка, и для филина, вот и решила стравить их друг с дружкой. Если ей повезет, ни тот ни другой, опасаясь новой встречи с заклятым врагом, не вернется туда, на берег Скулкилла, а значит, ее гнезду на том дубе больше ничто не грозит.

Объяснение жены выглядело вполне правдоподобным, и посему привело меня в великолепное расположение духа. Утренние впечатления были настолько странны и ярки, что я едва не принял происшедшее за дурное знамение, каким-то непостижимым образом связанное с ужасающей посылкой,

оставленной кем-то на нашем парадном крыльце неделю тому назад.

Между тем Сисси слегка задрожала и плотнее закуталась в шаль.

— Идем, посидим в гостиной? Мадди затопила камин, а мне хотелось бы сыграть тебе одну вещицу.

— Разумеется, дорогая.

Стоило мне следом за Сисси пройти из кухни в гостиную, Катарина, свернувшаяся калачиком в моем кресле, подняла взгляд, выгнула спину и потянулась, но насиженного места не оставила — просто позволила мне присесть и снова свернулась калачиком, уже у меня на коленях. Дважды моргнув на меня зелеными глазами, кошка вновь погрузилась в дрему и довольно замурлыкала. Моя ладонь легла на черепаховый мех ее спинки, а пальцы Вирджинии коснулись струн, извлекая из них первые ноты.

— Как-то утречком весенним прогуляться вышел я,
Чтоб послушать птичий щебет да рулады соловья,
Вижу: юная девица нежным голосом поет:
«Там, за тем кустом зеленым, он меня смиренно ждет».

Узнав эту народную песню, я улыбнулся, откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Как же приятно было слушать голос Сисси, сопровождаемый мурлыканьем Катарини! Жена чудесно играла на фортепьяно, однако стоило ей взяться за арфу — и душа моя неизменно воспаряла к небесам.

— Не нужны мне ленты, юбки, и сорочка не нужна.
Идти замуж ради шелка? Не настолько я бедна!
Обещаешь быть мне верен до доски до гробовой?
Так и быть: любовь забуду, назовусь твоей женой.

Наслаждаясь стихами, я принялся безмолвно, не нарушая красоты голоса Сисси собственным, подпевать жене. Едва песня завершилась, рядом захлопали в ладоши. Открыв глаза, я увидел в соседнем кресле тещу. Целиком сосредоточив-

шись на пении Сисси, я даже не заметил ни ее прихода, ни появления на столе, совсем рядом со мной, конверта и пары свертков в коричневой оберточной бумаге.

— А ты уж думал, мы обо всем позабыли, — со смехом воскликнула Сисси. — Мама не верила, что ты поддашься на нашу хитрость, но, судя по твоему взгляду, сюрприз удался.

— В самом деле, любовь моя. И ваша жестокость радует меня не меньше, чем вас самих.

Признаться, я сам запамятовал о собственном дне рождения, но, дабы не портить их розыгрыша, ни словом о сем не заикнулся. Жена (ведь ей-то всего двадцать один) от души радовалась всем этим годовщинам рождения и прочим праздникам, находя в них лишь повод порадовать любимых, но я в свои тридцать пять только тревожился обо всем том, чего еще не достиг.

— Попробуешь угадать, что внутри? Или снова оставишь нас в тревоге, вцепившись в какой-нибудь новый рассказ, будто пес в мозговую кость?

— Конечно, я уже пытаюсь! Применяя к сему все известные мне принципы аналитического мышления.

— И... ваш вердикт, сэр? — осведомилась жена.

Изображая предельную сосредоточенность, я впился взглядом в свертки и конверт на столе.

— Полагаю, вот здесь — волшебный кошелек, в котором никогда не иссякнет золото. А здесь — неисчерпаемый кладезь идей. Но этот, последний, драгоценнее всех прочих, ибо там, внутри — сосуд вашей любви ко мне, что никогда не ослабевает, несмотря на все испытания, через которые я вас провел.

— Все верно! И как ты только догадался?

Окинув взглядом нас с Сисси, Мадди с добродушным недоумением покачала головой, как делала всякий раз, когда наши причуды брали над нами верх.

— Что ж, давайте посмотрим на эти чудесные дары!

Приняв из рук Мадди первый сверток, я развернул бумагу. Внутри оказался шарф и пара теплых носков — то и другое связано из шерсти цвета слоновой кости.